

Глава 2

Даже спустя многие годы Линь Но не мог забыть тепло и силу той руки.

Вот только почему-то...

Глядя на серебоволосого мужчину на экране, он не мог отделаться от ощущения, что тот изменился. Изменился глубинно, и дело было вовсе не в возрасте.

— Я слышал, что искусственные глаза, как у маршала Цезаря, просто сметают с прилавков в сети, — шептались курсанты рядом. — Некоторые даже соглашаются на операцию по удалению здоровых глаз, лишь бы носить такие же...

— Ну, до удаления глаз, думаю, не доходит...

Линь Но задумался и решил, что источник перемен в Цезаре крылся именно в глазах.

Юный Цезарь обладал пронзительно-серыми с голубым отливом глазами. Острыми, как лезвие, когда он смотрел прямо, но странно мягкими, когда опускал взгляд.

Однако семь лет назад, во время "Битвы Звёздного падения", Цезарь получил тяжёлые ранения, потерял зрение, а его ментальная сила оказалась полностью разрушена.

Теперь в его глубоких глазницах располагались лишь два светло-серых механических глаза. Несмотря на то, что они были созданы по высшему технологическому стандарту Федерации и полностью функциональны, холодная неорганичность механизмов проступала в каждом движении. Когда Цезарь переводил взгляд, его лишённые живой плоти глазные яблоки двигались с едва заметной механической задержкой.

— Во имя Храма Дельфи и Федерации Третьей Планеты, я, Цезарь Каэсис, приношу клятву, — произнёс серебоволосый мужчина на экране, медленно поднимая левую руку.

Сквозь чёрную кожу перчатки просвечивала голографическая эмблема Федерации. Одной рукой он указывал на эмблему, другой слегка касался груди, возглавляя коллективную присягу солдат.

— Клянусь честно исполнять великие обязанности, возложенные на меня гражданами Федерации. Клянусь всеми силами соблюдать, защищать и отстаивать Конституцию Федерации...

Во время церемонии триумфа солдаты должны были отдавать честь флагу Федерации. Но в тени форменных фуражек бесчисленные глаза неотрывно следили за фигурой на помосте, излучая странную, почти фанатичную одержимость.

— Клянусь приносить правительству Федерации высшую степень преданности в своей жизни, — тихо произнёс Цезарь. Почему-то именно на этих словах уголки его губ дрогнули в едва заметной усмешке, словно его что-то позабавило.

— И оставаться верным до самой смерти.

Линь Но в одиночестве прислонился к стене в мусорной зоне за тренировочной площадкой, от скуки пиная землю военным ботинком.

Когда послышались приближающиеся шаги, он оттолкнулся от стены. Тёмные глаза вскинулись, и маленькая красная родинка вспыхнула в их глубине.

— Десять минут. Без ударов по лицу и открытым участкам тела, не закрытым тренировочной формой, — произнёс он. — Если заплачете — никаких жалоб инструктору.

Напротив колыхнулись тени. Пять или шесть Альф, знакомые лица с тренировочной площадки. Услышав его условия, они презрительно фыркнули:

— Линь Но, если бы ты, как другие Беты, просто опустил голову и знал своё место, сколько избиений мог бы избежать за эти шесть лет?

— Скоро узнаешь, почему я не могу даже слегка наклонить голову, — ответил Линь Но и поманил их пальцем. — Давайте.

Весь набор 2048 года знал, что Линь Но был любимчиком инструктора по боевым искусствам первой группы. Инструктор всем рассказывал о невероятных рефлексах Линь Но, его выдающемся таланте к борьбе и о том, как каждый семестр он показывал феноменальный прогресс.

Однако инструктор и не подозревал, что большинство этих прорывов случались не на официальных тренировках, а именно здесь — в мусорной зоне за тренировочной площадкой.

Через десять минут Линь Но уже сидел верхом на последнем стоящем Альфе, запрокинув голову, чтобы остановить кровь из носа, и ловко связывал запястья противника своим ремнём.

— В следующий раз можете приходить прямо ко мне, — сказал он. — Нет нужды выбирать моих соседей по комнате. Это низко.

Альфа под ним отплёвывался и кашлял, но всё ещё мог поддерживать диалог: — Я думал, все ваши Беты такие же крутые, как ты. А они оказались жалкими трусами — после пары пощёчин разревелись, умоляя о пощаде. Скукота. В итоге просто заставили их бить друг друга по животу полчаса, и делу конец.

Линь Но поднялся на ноги и, уходя, не забыл наградить каждого пинком под зад, вызвав волну проклятий.

Едва он развернулся, как услышал за спиной голос одного из Альф: — Я видел список участников. Так ты тоже зарегистрировался на турнир по механическим доспехам?

Линь Но замедлил шаг и обернулся.

Альфа, держась за живот, с трудом прислонился к стене. Увидев, что Линь Но повернулся, он выдавил кривую улыбку:

— Ты думаешь, управлять мехом — это как экскаватором, достаточно просто дёргать за рычаги? Без специальной подготовки по ментальному управлению от Федерации твой мех будет просто грудой металлолома.

Линь Но промолчал.

Среди трёх вторичных полов Альфы от рождения обладали высоким уровнем ментальной силы, некоторые Беты имели определённый уровень — но значительно ниже, а Омegi полностью

лишены ментальной силы.

Для Альф в возрасте от 8 до 12 лет Федерация предоставляла обязательное образование по управлению ментальной силой, направленное на обучение Альф распознавать и использовать свои способности.

И вполне ожидаемо, Линь Но в своё время не смог получить доступ к этой программе.

— Лучше тебе попасть в одну группу с нами, — сказал другой Альфа. — С тех пор как мы узнали, что ты тоже зарегистрировался на турнир, мы начали готовиться. Думаем, будет весело вытащить тебя из кабины пилота, раздеть догола и подвесить на механической руке, чтобы ты прокатился три круга вокруг арены. Как тебе такое?

Линь Но уже собирался уходить, но, услышав это, развернулся на каблуках и вернулся.

— Даже если не попадём в одну группу, не страшно. Мы, Альфы, всегда можем договориться между собой... Хорошо! Прости! Прости! Прости!

Захват с выкручиванием сустава всегда вызывал невыносимую боль. Линь Но прижал руку Альфы коленом к земле, вдавливая его в грязь, и слёзы с потом брызнули из глаз противника.

— Какое любопытное зрелище, — хмыкнул Линь Но. — Впервые вижу, чтобы кто-то плакал, пока угрожает.

Он усилил давление и тихо приказал: — Скажи, что больше никогда не будешь трогать моих соседей по комнате. Говори!

— Никогда! Никогда больше не буду! Отпусти! — взвыл Альфа.

Линь Но всегда держал своё слово — на телах Альф не осталось заметных повреждений в местах, не прикрытых тренировочной формой.

Но его противники явно не соблюдали правила чести — удар дубинкой исподтишка оставил на тыльной стороне его ладони опухоль размером с небольшую гору.

По дороге в общежитие Линь Но украдкой прикладывал пострадавшую руку к губам, стараясь унять боль. Он надеялся, что инструктор не заметит травму на послеобеденном занятии и не снимет с него баллы.

Когда он толкнул дверь комнаты, разговоры внутри резко стихли.

Трое соседей-Бет сидели посреди бардака на полу, сгорбившись, и направляли лечебные лучи на свои болезненно ноющие животы.

Увидев вошедшего Линь Но, они одновременно взглянули на него, а потом молча опустили головы, избегая разговора.

Линь Но подошёл к своей кровати и остановился.

В комнате был общий стол. Все его вещи, которые раньше лежали на этом столе, теперь были свалены на кровать.

— Прошу тебя, постарайся меньше привлекать внимание. Можешь? — сказал один из соседей за его спиной.

— Уступить им один раз не значит умереть.

Линь Но, наклонившись, собрал свои вещи с кровати в сумку, аккуратно уложил старые блокирующие наушники и поднял багаж.

— Пойду подам заявление на смену комнаты, — сказал он, открывая дверь. — Больше проблем не будет.

Багаж был тяжёлым, а опухшая рука болела. Линь Но переложил сумку в другую руку, а травмированную осторожно засунул в карман брюк, сохраняя невозмутимый вид.

— Одноместных комнат нет, свободных комнат тоже, — объяснил куратор. Он был другом инструктора Линь Но по боевым искусствам и действительно хотел помочь. — Есть только комната с одной свободной койкой, но твоими соседями будут три последователя Дельфи.

— Ты... справишься? — добавил он деликатно.

Линь Но сразу понял, что имел в виду куратор.

Хотя Федерация придерживалась политики религиозной свободы, и военные академии принимали курсантов с различными верованиями, последователи Дельфи выделялись особенно. Им редко удавалось ужиться с другими студентами.

Их повседневные привычки и распорядок дня сильно отличались от остальных. Каждый год академия получала множество коллективных жалоб с требованием выделить последователям Дельфи отдельное общежитие.

Однако с другой стороны, никто в Федерации не осмеливался задевать последователей Дельфи — даже отпрыски сенаторов-Альф не рисковали связываться с ними.

— Не вижу проблем, — кивнул Линь Но.

Выйдя из кабинета куратора, он услышал разговор двух студентов факультета мехов, проходивших мимо:

— Так маршал Цезарь сейчас постоянно находится в Крепости Зевса? Или уже вернулся на Землю?

— Он редко возвращается на Землю. Без боевых заданий обычно тренирует войска на разных крепостях или звёздных кораблях. Думаю, сейчас тоже там...

— Чёрт, это же совсем рядом с нами... Интересно, есть ли шанс, что он придёт провести занятие на факультете мехов...

Рука всё ещё болела. Линь Но встряхнул её и снова тайком лизнул опухоль, планируя воспользоваться лечебными лучами, когда доберётся до новой комнаты.

Но боль становилась всё сильнее.

А затем, в совершенно непредсказуемый момент, она полностью захватила его внимание.

Шум голосов внезапно усилился в десятки, сотни раз, а свет флуоресцентных ламп над головой превратился в ослепительные кольца, подобные магнитной буре.

Какой-то курсант заметил его состояние и с участием подошёл, но сколько бы ни открывал рот, Линь Но не мог разобрать ни слова.

Он быстро прислонился к стене и начал судорожно искать наушники в своём багаже.

— ...что... с тобой всё... — долетали до него обрывки фраз.

Дрожащими руками Линь Но наконец нашёл блокирующие наушники и надел их.

Наушники генерировали особый белый шум определённой частоты. Закрыв глаза, он сосредоточился на этом звуке, и постепенно преувеличенные световые эффекты, шум и боль начали возвращаться к нормальному уровню.

— Извини, — тихо ответил он. — Я не расслышал.

Но курсант уже почесал затылок и, почувствовав себя неловко, ушёл.

— Какой высокомерный... сейчас же нет никакого шума от звёздных кораблей...

Линь Но опустил взгляд, увеличил громкость белого шума и продолжил путь к новой комнате.

За эти годы его дядя исколесил не менее десятка звёздных секторов в поисках лечения от редкой болезни племянника, но так и не нашёл решения.

С трёхлетнего возраста симптомы сенсорной перегрузки Линь Но становились всё заметнее. Обычные люди легко отфильтровывают несущественные сенсорные раздражители — разговоры незнакомцев, звон столовых приборов за соседним столом или отражение света от стекла в доме напротив.

Но для Линь Но это оказалось почти невозможной задачей.

Его чувства от рождения были острее, чем у обычных людей, но ужасно то, что при всей этой остроте он совершенно не мог их контролировать.

Бывало, спокойно играя с игрушками, он вдруг бросался в ящик с игрушками, зажимал уши и кричал несколько часов подряд только потому, что мимо окна пролетел летательный аппарат.

Родители Линь Но, будучи инженерами-механиками, совершенно растерялись перед этим редким недугом. Они обращались к разным врачам, но ответа так и не получили.

В конце концов, мать Линь Но заметила, что симптомы мальчика исчезали, когда он находился рядом с определёнными шумами на заводе мехов.

После многократных экспериментов она обнаружила, что белый шум частотой 532 герца эффективно контролировал необычное состояние сына.

Получив эти данные, отец Линь спроектировал специальные блокирующие наушники. Они не только фильтровали внешние шумы и воспроизводили белый шум на 532 герцах, но и позволяли чётко слышать человеческую речь.

Учитывая, что голова маленького Линь Но будет расти, мать добавила функцию автоматической адаптации, надеясь, что наушники будут защищать сына, пока не найдётся лекарство.

— Два инженера-механика создали ребёнка-наушник! Разве не круто? — с неисправимым оптимизмом шутил отец.

Но специальные наушники были больше обычных и полностью закрывали уши, чтобы быть эффективными.

Так детство Линь Но превратилось в бесконечное сидение в одиночестве с огромными наушниками на голове, пока сверстники показывали на него пальцами.

— Ходит с наушниками целыми днями, игнорирует всех, думает, что такой крутой! Здорово, Сильный Брат!

Маленький Линь Но опускал голову и доставал из рюкзака медицинскую карту.

Наушники усиливали человеческий голос, поэтому он всё слышал.

— У меня синдром сенсорной перегрузки, это трудноизлечимая болезнь. Наушники — медицинский прибор, с ними мне не так больно.

Он даже показывал детям медицинскую карту.

— Вот моя история болезни. Я не обманываю.

Дети не смотрели, бросали карту на землю и топтали: — Сильный Брат! Сильный Брат!

Маленький Линь Но поднимал карту, отряхивал пыль.

А потом по одному переворачивал обидчиков вверх ногами и запихивал головой в песочницу.

Когда ему исполнилось двенадцать и пришло время поступать в военную академию, дядя притащил целый мешок фруктов, таскал Линь Но по разным кабинетам, умоляя о помощи, пока наконец не нашёл военного врача, готового их выслушать.

— С таким редким заболеванием обычный медосмотр он точно не пройдёт, — сказал врач.

Он проверил концентрацию внимания Линь Но с белым шумом, затем изучил его ментальную силу.

— Странно... У этого ребёнка удивительно стабильная ментальная сила. Обычно даже у самых одарённых Альф в этом возрасте ментальная сила бурная и нестабильная.

— Значит, если мы объясним всё экзаменаторам, может быть, они смягчат требования? — с надеждой спросил дядя. — Малыш сейчас гораздо стабильнее, чем в детстве, приступы случаются редко, и он быстро восстанавливается с помощью белого шума.

Маленький Линь Но смущённо спрятал лицо в воротнике: — Не называй меня малышом!

— Невозможно, — отрезал врач.